

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 5 (64)

Черкесская династия в крымской Готии.

1403 - 1475 гг.

Племена готов вышли из Скандинавии в первые века нашей эры и около 200 г. мигрировали в Северное Причерноморье. Здесь они столкнулись с сарматами и другими местными этносами. Разрушив Боспорское царство в первой половине 50-х гг. III в. и заняв берега Керченского пролива, готы пришли в непосредственное соприкосновение с древними адыгами – племенами синдо-меотов. Часть готов осела на территории Северо-Западного Кавказа, в пределах проживания синдов и керкетов. Автор V в. Псевдо-Арриан писал: «Итак, от Синдской гавани до гавани Пагры прежде жили народы, называющиеся керкеты или ториты, а ныне живут так называемые эвдусианы, говорящие на готском или таврском языке». (Псевдо-Арриан. *Объезд Эвксинского моря* // *Античные источники о Северном Кавказе*. Составитель В. М. Аталиков. Научник: «Эльбрус», 1990. С. 178).

Византийский автор VI в. пишет о готском населении на Северо-Западном Кавказе: «По ту сторону Меотийского Болота и его впадения в Эвксинский Понт, как раз на этом берегу и живут с древних времен так называемые готы-тетракситы, о которых я только что упоминал: значительно в стороне от них осели готы-визиготы, вандалы и все остальные племена готов». (Прокопий Кесарийский. *Война с готами*. Пер. С. П. Кондратьева. М., 1996. Т. 1. Кн. 4). Впоследствии готское население, по всей видимости, было ассимилировано зихами.

Следы готов сохранялись в Зихии вплоть до позднего средневековья. Нотариальный акт от 23 сентября 1277 г. сообщает о том, что Гильельмо де Монте ди Асти продал Джованни да Вадо в Генуе за 800 либров смуглую рабыню по имени Гота (Gota) из Зихии (Zechia). (Vasiliev A. A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Massachusetts, 1936. P. 173). Гота может быть как именем уроженки Зихии, так и указанием на готское происхождение. В материалах нотариуса Антонио ди Понзо в 1360 г. фигурирует рабыня готка (gothe) Мелика (Melicha) 12 лет. (Balard M. *Genes et L'Outre-Mer*. T. II: *Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzo* (1360). Paris, 1983. P. 51).

В Крыму готское население сохранялось вплоть до позднего средневековья. Виллем из

Рубрика в 1253 г. отметил существование в Крыму, между Херсоном и Солдаей (Сугдеей, Судаком) многочисленного готского населения, разговаривающего на германском языке. (The mission of friar William of Rubruck. His journey to the court of the Great Khan Mongke 1253 – 1255. Translated by P. Jackson. L., 1990. P. 69).

Иоганн де Галонифонтибус в 1404 г. подчеркивал, что крымские готы «pretendent на происхождение от шотландцев и говорят как англичане». Это весьма важное замечание, учитывая, что автор бывал и в Крыму и в Англии. (Галонифонтибус И. де. *Сведения о народах Кавказа* (1404 г.). Из сочинения «Книга познания мира» / Пер. с англ. и коммент. З. М. Буниятова. Баку, 1980. С. 13, 31). Учитывая, что англы и готы происходили из соседних территорий (первые с Ютландского полуострова, вторые – из южной Швеции), то и наблюдение Галонифонтибуса является вполне закономерным. В 1436-1437 гг. венецианец Иосафат Барбаро также отметил германоязычность крымских готов: «Готы (Gotthi) говорят на немецком (in Tedesco). Я знаю это потому, что имел немецкого слугу с собой: они говорили между собой и объяснялись довольно разумно, так же, как бы объяснялись человек из Форли (furlano) и флорентинец (fiorentino)». (Цит. по: Байер Х.-Ф. *История крымских готов* как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 237).

1. Происхождение династии.

XV век дал еще одну черкесскую династию, о которой мы очень мало знаем и которая была бесконечно далека от того могущества, каким обладали черкесские султаны Египта. Около 1403 г. к власти над крымской Готией приходит черкесское семейство, о котором известно, что оно поддерживало родственные и политические отношения с князьями Черкесии. Черкесское семейство управляло Готией до османского вторжения в Крым в 1475 г.

Династическая линия выглядит следующим образом:

Алексей или Алексейко (ок. 1403-1444, и, как максимум, до 1446 г.), Олобей Алексей или Алексей II (1444-46 – 1465 гг.); Сайкус или Исайко (1465 – 1475), Александр (1475 г.). Х.-Ф. Байер, автор обстоятельного труда по крымским готам, отмечает, что черкесский князь Уздеморок, известный по генуэзской переписке, на законных основаниях претендовал на готский престол и овладел им на какое-то время в 1446 г. (Байер Х.-Ф. *История крымских готов*... С. 215).

Помимо князей, занимавших трон, известны имена других представителей этого правящего дома: Иоанн Тзиаркасис (ум. 1435), Николай Тзиаркасис (ум. 1435), Мария Черкасина, сестра Исайко, жена господара Молдавии Стефана Великого. О существовании еще одной Марии из Мангупа сообщает Юлиан Кулаковский со ссылкой на Панарета («Хроника Трапезунда»): в 1426 г. дочь мангупского правителя Алексея прибыла в Трапезунд, чтобы «вступить в замужество с царевичем Давидом, который впоследствии был последним трапезундским императором (1458-1462 гг.)». (Кулаковский Ю. *Прошлое Тавриды*. Киев, 1914. С. 118).

В именах Алексейко и Исайко отчетливо видно присутствие адыгского патронимического суффикса *-ко*. Способ словообразования при наречении адыгских детей именами, в том числе и христианскими, дан в описании Дж. Интериано, созданному во времени весьма близко к тому периоду, который мы рассматриваем. «Новорожденному дают имя того, – пишет Интериано, – кто первым из посторонних войдет в дом после родов, и если это грек, латинянин или вообще носит иностранное имя, то всегда прибавляют к этому имени [окончание] «ук»; например – Петро – Петрук, Пауло – Паулук и т. д.». (Интериано Дж. *Быт и страна зихов, именуемых черкесами* // АБКИЕА. С. 47). Таким образом, имя Уздеморок означает «сын Оздемира».

И *тзиаркас*, и *зеркас* (черкас) являются этнически уточняющими прозвищами. Байер отмечает, что подобная транскрипция (*tzarkasos*) встречается еще у Лаоника Халькокон-

дила, византийского хрониста середины XV в. (Байер Х.-Ф. *История крымских готов*... С. 392).

Эта форма близка к араб. *джаркас* и, видимо, была обусловлена локальной спецификой в использовании греческого языка. У Галонифонтибуса в «Книге познания мира» вместо *черкас-черкес* используется *таркуас* и соответственно страна – *Таркуасия*. (Галонифонтибус И. де. *Сведения о народах Кавказа*... С. 33 – 35).

Крупный исследователь поздневизантийских церковных источников А. Брайер в 1976 г. высказал мысль, что форма *тзиаркасис* в синаксарии означает черкеса. (Байер Х.-Ф. *История крымских готов*... С. 392).

Сохранились интересные гербы готских черкесов, содержащие знак креста в виде большой буквы Т. А именно такие кресты в большом количестве сохранялись черкесами в священных рощах еще в XIX в.

Один из ведущих специали-

стов по истории княжества Феодоро и, в целом, средневекового Крыма В. Л. Мыц склонен считать династию Алексея черкесской: «Хотя некоторые латинские источники и называют Алексея I «греком», не стоит исключать «черкесского» (адыгского) происхождения владетеля Феодоро. По крайней мере, два независимых друг от друга и разновременных (1435 и 1472 гг.) источника говорят о старшем сыне Алексея – Иоанне, как о «черкесе», а о Марии Асанине Палеологине (правнучке Алексея?), как о «черкешенке». Скорее всего, за генуэзским определением «грек» не скрывалось ничего «этнического». Латиняне часто называли «греками» тех, кто придерживался византийского (православного) вероисповедания»*. (Мыц В. Л. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. http://www.center.crimea.ua/library/mis_kaffa_feodoro.htm).

Династия Алексейко претендовала на царское византийское происхождение. В. Л. Мыц подчеркивает выгоду конструирования именно такой генеалогической легенды: «По

*В западной и восточной литературе средних веков и нового времени греками очень часто именуют представителей любых народов православной принадлежности. Так, например, Джорджо Гуччи в 1384 г. пишет о происхождении султана Египта, что он «христианин-грек из Каркашии в Большом море». (Путешествие по святым местам Джорджо Гуччи // *Восток – Запад*. Исследования, переводы, публикации. М.: «Наука», 1982. С. 76). «Грек» в данном случае означает не более чем принадлежность к православной культуре, «Каркашия» – Черкесия, а «Большое море» – Черное море. При всем том, в черкесском (зихском, адыгском) происхождении первого черкесского султана Египта Баркука ал-Черкаси (1382-1399 гг.) сомневаться не приходится. Оно весьма надежно засвидетельствовано множеством современных мамлюкских и европейских источников. Предпоследний черкесский султан Египта и Сирии Кансав ал-Гаури (1501-1516 гг.), чье черкесское происхождение надежно засвидетельствовано, также назван в одном русском паломническом «хождении» «греком»: «Был де во Египте некто царь греческой именем Гавриил, а неверием турчанин, вельми зол добре на христиан зли нынешних турок; а имяше у себя врача жидовина, хитра суща». Паломник Трифон Коробейников, побывавший в Каире в 1583 г., передает уже смутные воспоминания христианских жителей Каира об этом черкесском султанине. (Коробейников Т. *Путешествие в Иерусалим, Египет и к Синайской горе* в 1583 г. // *Православный палестинский сборник*. Т. IX. Вып. 3. СПб., 1889. С. 48.). Наднациональный смысл в тексте Коробейникова имеет не только термин «греческий», но и термин «турчанин», под которым понимается принадлежность к исламу. Ну а раз султан был «греком», то название его военной школы, где он получил образование, ал-Гаури или ал-Гаври, в народной памяти (либо в восприятии Коробейникова) легко трансформировалось в имя собственное Гавриил. Мамлюкский правитель Египта Али-бей также назван греком в одном из европейских источников середины XVIII в., что воодушевило П. Дж. Ватикотиса на «паспортизацию» этого знаменитого абхазского мамлюка как этнического грека. (Vatikiotis P. J. *The History of Egypt*. Baltimore, Maryland, 1980. P. 32).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДИНАСТИИ

всей вероятности, после бракосочетания (?) в 1425 г. старшего сына Алексея – Иоанна на Марии Палеологине Асанине Цамблаконины, представители данного рода получили право относить себя к Палеологам и Асанам. Об этом свидетельствуют монограммы и «геральдические» символы в виде двуглавых коронованных орлов на строительных плитах [из Мангупа. – Прим. С. Х.] 1425, 1427, 1459 гг., а также погребальная пелена Марии Асанины Палеологини 1477 г. (Там же).

Мангупский правящий дом проводил активную матримониальную политику. Согласно Ф. Бруну, великий князь Иван Васильевич «требовал еще в 1475 году для своего сына руки дочери мангупского князя Исайко... Посланник русский Старков должен был справиться о том, сколько тысяч злотых приданного (взятка) Исайко намерен дать за дочерью своею». (Брун Ф. Черноморье. Ч. II. Одесса, 1880. С. 232). Таким образом, в середине XVI столетия в лице Ивана Грозного мог быть представлен внук черкешенки из Мангупа. Матримониальная политика мангупского семейства, охватывавшая Трапезунд, Молдавию и Москву, свидетельствует об авторитете династии.

Мартин Броневский в XVI в. приводит второе название Мангупа: «Недалеко от Манкопа, называемого турками Черкес-сигерменом, то есть новою Черкесскою крепостью, лежит древний город и крепость, но ни турки ни татары, ни даже сами греки не знают его имени». (См.: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVI/Bronevskij/frameset.htm>).

Учитывая, что готские черкесы во главе с Александром оказали героическое сопротивление армии Гедик-паши в 1475 г., закрепление за Мангупом названия «Черкесская крепость» закономерно. Довершает картину то обстоятельство, что столица крымской Готии располагалась у реки Кабарта (более позднее ее татарское название Бельбек), протекавшей по равнине, которая еще и при крымских татарах называлась Черкес-Таш, т.е. по сути, целая область была маркирована как черкесская. (Тунманн. Крымское ханство. Пер. с нем. Н. Л. Эрнста. Симферополь, 1991. С. 31, 85; Брун Ф. Черноморье. Ч. I. С. 118).

Это сопоставление топографических и исторических фактов было предпринято уже Палласом: «В верхней части эта речка (Бельбек. – Прим. С. Х.) носит название Кабарды, и по преданиям там когда-то жили черкесы или кабардинцы, отчего за ней и сохранилось название Кабарды, также точно как и местность между верхним Бельбеком и Качей называют и поныне Черкестюз». (Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 12. Одесса, 1881. С. 86). На-

звание Черкес-кермен сохранялось в татарской топонимической традиции вплоть до последних дней существования ханства. В 1793 – 94 гг. Паллас засвидетельствовал, что в долине Бельбека «видна башню древней крепости, называемой татарами Черкес-кермен (Черкесская крепость), отчего и находящаяся здесь татарская деревня, где прежде жило много греков, теперь же остались одни татары, носит это название. Самое замечательное в этом древнем замке, от которого остались только одна башня и несколько стен, высеченный в скале глубокий колодезь, к которому спускаются не без опасности по ступеням, тоже высеченным в скале; он отстоит от замка на несколько сот сажен». (Там же. С. 118).

При раскопках на территории Алуштинской крепости и укрепления Пампук-Кая в помещениях XIV – XV вв. была обнаружена керамика, аналогичная керамике Черкесии этого же периода. В. Л. Мыц делает вывод, что после конца XIII в. на территории Южного Крыма появились многочисленные переселенцы с Северо-Западного Кавказа. (Мыц В. Л. О пребывании «черкесов» в Крыму // Проблемы истории Крыма. Вып. 1. Симферополь, 1991. С. 81 – 82).

История прихода семьи Алексеико к власти над Мангупом (греческое название города Феодоро) остается пока не проясненной проблемой. Байер отмечает, что истоки могущества этого рода следует искать в XIV в., когда их предок должен был занимать высокое положение в готском обществе. Население Готии было далеко неоднородным в этническом и конфессиональном отношении – здесь, помимо готов, проживали традиционно греки, евреи, какие-то тюркские группы (учитывая открытость Крыма вековым тюркским вторжениям). В пределах этой красивой горной страны, покрытой лесом и расположенной вдоль моря, наиболее притягательным являлся как раз район готской столицы – Бельбекская долина.

«Стоя на вершине Мангупской горы, – отмечал Евгений Марков, – вы просто ощущаете необыкновенные выгоды его стратегического положения. Мангуп виден издалека с моря, с западного берега и со всех горных пунктов. С Мангупа видны все пути в горы юго-западного Крыма... Это буквально владычествующий город». (Марков Евг. Пещерные города Крыма // Вестник Европы. Т. III. 1872. Июнь. С. 677). Английский путешественник начала XIX в. писал о Мангупе: «Ничто, в какой бы то ни было части Европы, не превосходит ужасной величественности этого места». (Там же. С. 677).

Марков со своими путниками укрывался от дождя в Каджа-Сала, деревне у самой подношвы Мангупа: «Каджа-Сала – старинное поместье князей Балатуковых, принадлежит те-

перь зятю княгини Балатуковой Абдураманчину, которому принадлежит, кажется, и сам Мангуп». (Там же. С. 669).

В 1793 – 94 гг. академик Паллас путешествовал по Крыму и заметил, что поместье Кара-иляз принадлежит фамилии Адиль-бей Балатукова и «может назваться одним из лучших во всей Таврии не только в отношении своей романтической местности, но и по удобству и по превосходству своих садов. Оно включает в себе: дом для приезжих, харем, окруженный стеной, с отдельным садом и купальней; затем другой дом, построенный немного выше дома для приезжих и большую мечеть, расположенную еще выше, при которой находятся фамильные гробницы». (Путешествие по Крыму академика Палласа... С. 136 – 137).

Так сложилось, что выходцы из черкесского княжеского рода Болотоковых, по крайней мере, с начала XVIII в. получили от хана для своей резиденции одно из наиболее живописных мест полуострова. (Муфтийзаде Измаил Мурза. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 30. 1899. См.: http://www.moscow-crimea.ru/history/18_19vv/sluzba.html).

Крымский исследователь М. Я. Чореф, анализировавший тамги, начертанные над входом в башню Кыз-Кулле, расположенную рядом с Мангупом, приходит к выводу о том, что эта башня принадлежала черкесскому княжескому роду Болотоковых. (Чореф М. Я. Адыгские тамги средневекового укрепления Кыз-Кулле в Крыму // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Выпуск 1. Нальчик, 1980. С. 112 – 120).

2. Основные исторические события, связанные с правлением черкесской династии Готии.

Генуэзцы, обычно толерантно настроенные в отношении прав местных народов и правителей, заняли враждебную позицию по отношению к князьям Мангупа. Семейство Алексеико воспринималось генуэзскими властями Каффы в качестве узурпаторов, присвоивших себе власть над Готией, которая во второй половине XIV в. почти уже досталась генуэзцам. (Кулаковский Ю. Указ. соч. С. 118).

Черкесские князья Готии утвердились в Готии вопреки Каффе и даже проводили, пусть и скромную, но все-таки экспансионистскую политику. В 1424 г. правительство Каффы воздало почести Пьетро Джованни Майнерио, который «потерпел большие хлопоты в войне против Алексея из Феодоро на защиту и освобождение места Чембалло». (Байер Х.-Ф. История крымских готов... С. 207). Таким образом, Чембалло было временно захвачено готами.

В 1425 г. герцогский губернатор Генуи (Генуя была с

конца 1421 г. до начала 1436 г. под властью герцога Милана), учитывая упорство и неблагодарность «дерзкого Алексея, из-за засад которого мы вынуждены бояться за место Чембалло, являющееся главой всей Готии», заставил консула и его чиновников укрепить замок этого города на худшие случаи». (Там же. С. 207 – 208).

Алексею необходимы были союзники, которых он и получил в этот период в лице крымского хана и императора Трапезунда. Продолжатель трапезундской хроники Михаил Панагета сообщает: «В том же году [1429] в месяце ноябре пришла также из Готии вассалисса госпожа Мария, дочь господина Алексея из Феодоры, и была венчана с благочестивым деспотом, своим мужем Давидом Великим Комнином». Брак этот устроили Алексей и Иоанн IV Комнин, император Трапезунда, который жил с 1427 г. в ссылке в Крыму, а в сентябре-октябре 1429 г. сверг своего отца в Трапезунде. (Там же. С. 210 – 211).

Около 1428 г. Хаджи-Гирей обещал Алексею помощь деньгами и войском, если тот нападет на Чембалло. (Колли Л. Хаджи-Гирей-хан и его политика (по генуэзским источникам) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 50. Симферополь, 1913. С. 110).

Как отмечает Колли, момент для нападения был избран весьма удачно, так как Генуя была изнурена войной с королем Арагона. (Там же. С. 110). Намерение Алексея подерживалось в Венеции, дож которой 1 июня 1432 г. говорит «о совершении дел, которые господин Алексей, государь Готии, намерен исполнить для нашей державы». (Байер Х.-Ф. История крымских готов. С. 211).

В конце февраля 1433 г. войско Алексея совершило ночное нападение и захватило Чембалло. Это событие вызвало шок у властей Каффы и патристическое возмущение в Генуе. Реакция Генуи была чудовищно непропорциональной. Вместо небольшой военной операции, предвараемой переговорами и торгом, она решила обрушить на мятежного крымского правителя всю свою военную мощь. Явно, для властей Генуи речь шла о сохранении своего международного авторитета.

Война имела серьезные политические последствия для могущества Генуи в регионе и укрепила, несмотря на реконкисту Чембалло, позиции Готии. А для Хаджи-Гирея этот конфликт стал главным военным триумфом, позволившим мечтать о единоличном правлении на всем полуострове.

Экспедицию профинансировал банк св. Георгия, который был кровно заинтересован в операциях в черноморских колониях, а с 1454 г. получил Каффу в свое управление. «Воспользовавшись с радостью этим патристическим поступком протекторов богатейшего учреждения, – пишет Колли –

сенат постановил снарядить эскадру из двадцати галер с 6000 отборных морских и сухопутных войск. Главное начальство над этой экспедицией было поручено испытанному генуэзскому полководцу Карлу Ломеллино». (Колли Л. Хаджи-Гирей-хан. С. 111). Обстановка всеобщего воодушевления царя в Генуе при принятии этого решения. Иоанн Стелла пишет: «В том же году [1433] в месяце октябре через Генуэзскую Державу капитаном флота, который должен был быть подготовлен для реконкисты Чембалло, выбирается видный господин Кароло Ломеллино при звоне большого колокола и аплодисментах всех граждан, которые единодушно и единогласно требовали вырвать названную крепость из рук одного врага, греческого государя де Лотедоро». (Байер Х.-Ф. История крымских готов. С. 211 – 212).

В 1885 г. швейцарский палеограф Вакернагель издал дневник Андрея Гатари, падуанского летописца XV века, сведения которого являются главным источником об этой экспедиции. Колли, как и другие специалисты, отмечают большую точность источника, который является, скорее всего, донесением из Каффы оставшегося неизвестным венецианского шпиона.

Карло Ломеллино принялся с усердием исполнять волю своих сограждан. В начале марта 1434 г. эскадра подняла якорь в Генуе и направилась сначала к Хиосу, важнейшей генуэзской колонии в Восточном Средиземноморье. Почти три месяца Ломеллино комплектовал здесь свою армию. 30 мая эскадра из 20 кораблей при попутном ветре вышла из Хиоса и направилась в Черное море. Уже 4 июня флот достиг Чембалло. Далее по дневнику Гатари: «На следующий день, т. е. в субботу, 5 июня, на рассвете, флот спустил на воду свои судовые шлюпки и направил их к гавани. После жестокого боя, люди разрубили цепь, закрывавшую вход в бухту... В воскресенье войско высадилось на берег и обложило (крепость) кругом и тут дано было жестокое сражение, в котором с обеих сторон пало много народа. На следующий день (7 июня) сказанный флот выгрузил на берег несколько небольших судовых пушек, и тут началось обстреливание одной из башен, большая часть которой, а также и значительный кусок стены обрушились. Это зрелище произвело среди осажденных граждан большое смущение. К вечеру некоторые из них просили начальника флота завязать с ними переговоры о сдаче (города), с условием пощады их жизнь и имущество, но начальник потребовал, чтобы они безусловно сдались на волю победителя. Поэтому во вторник (8 июня) утром возобновилось сражение, и одни из ворот заняты были осаждающими. Увидев это, оказавшийся среди осажденных сын князя Алексея отступил внутрь (крепос-

МАНГУП И КАФФА

ти), вместе с 70 чел. Солдаты вошли тогда в середину (крепости), и преследуя неприятеля, заняли холм, произведя большую резню. Дана была пощада одному только сыну князя Алексея, его приближенным». (Колли Л. Хаджи-Гирей-хан. С. 116 – 117).

После Чембало Ломеллино занял, но уже без боя, Каламиту, второй по значению город в приморской Готии. Жители бежали в горы, а генуэзские солдаты предали город огню. Обращает на себя внимание очень жесткий настрой генуэзцев, которые проводят самую настоящую карательную операцию. Готско-греческое население во главе с черкесами оказывает им упорное сопротивление. Вряд ли Алексей мог ожидать столь скорой и масштабной реакции Генуи. Он был не готов встретить флот противника, войско его княжества не было мобилизовано и его самого не было в Чембало. Обороной командует его сын, которого источник не называет по имени, и который, вполне вероятно, случайно оказался на месте событий. Этим сыном мог быть Иоанн Тзиаркасис, который скончался 25 июня 1435 г. (Байер Х.-Ф. История крымских готов. С. 211–212).

Весьма интересно, что после захвата Чембало адмирал Ломеллино не направил свою армию на Мангуп, чтобы поразить врага в самое сердце. Он довольствуется грабежом приморской Готии и затем стягивает войска в Каффу. Отсюда он торжественно, 22 июня, развернув знамена – свое, генуэзское и миланского герцога – выступает против Хаджи-Гирея. Татары на подступах к Солхату нанесли сокрушительное поражение восьмидесяти тысяч генуэзской армии. Гатари указывает, что татарская армия, самое большее, достигала пяти тысяч воинов. (Колли Л. Хаджи-Гирей-хан. С. 119). Роль Алексея в татарском разгроме генуэзцев не прояснена ни у Гатари, ни у других немногочисленных и немногословных авторов этого времени. Готия осталась во власти Алексея, генуэзцы довольствовались отвоеванием Чембало, а татары властвовали в степи. Статус-кво было восстановлено, но только на первый взгляд: престиж Генуи рухнул в глазах всех тех народов, с которыми она имела дело в бассейне Черного моря. Колли не приводит источников, но настойчиво повторяет свою мысль о том, что с этого дня крымские татары и османские турки вознамерились изгнать генуэзцев из Крыма.

Зримое усиление татар, тем не менее, не привело к уничтожению ими готской независимости. Более того, похоже на то, что власть черкесской династии укрепилась после 1434 г., несмотря на потерю Чембало. Татарские войска сами по себе были мало приспособлены к военным действиям в горной местности, к осаде крепостей. После полнейшего погрома, который татары учинили

генуэзцам во главе с Ломеллино, татарские всадники появились в окрестностях Чембало, но отступили.

То обстоятельство, что Мангуп вышел из этой схватки без особых потерь и, быть может, стал еще увереннее проводить свою политику, превосходно иллюстрируется венецианским документом, который датируется Васильевым между 1436 и 1441 гг. Этот документ является посланием байло Венеции в Константинополе Алексею, которое «осведомляет нас о том, что Каламита опять находится под властью адресата». (Байер Х.-Ф. История крымских готов. С. 212). В 1438 г. галера из Каффы совершила пиратский рейд «на территории Алексея», что свидетельствует о том, что Мангуп сохранял выход к морю. В 1441 г. власти Каффы были вынуждены уплатить компенсацию тем пленным из Готии, которых она освобождала в связи с заключением мирного договора с Алексеем. Затем, по всей вероятности, мир был вновь нарушен. В 1449 г. власти Генуи писали консулу в Чембало о «некой компенсации ущерба, причиненного ему временем, когда Алексей захватил местность Чембало на некоторое время силой». (Там же. С. 213). Учитывая то обстоятельство, что консулы сменялись ежегодно, и что сообщение отстоит от большой войны за Чембало (которая была уже вторым захватом этого города готами Алексея), а также русское (правда очень позднее) сообщение о том, что Алексей был убит в Чембало, Байер делает вывод о том, что имел место третий захват Чембало Алексеем в период времени между 1441 и 1446 гг. (Там же. С. 213 – 214).

Все эти сведения об активности Алексея после похода Ломеллино 1434 г., говорят нам о силе небольшого готско-греческого княжества. Оно затрачивало на захваты Чембало неизмеримо более скромные ресурсы, чем те, которые потом мобилизовывались генуэзской стороной для «реконкисты». В мае 1447 г. в генуэзском документе речь идет уже об «Олобее и других сыновьях бывшего Алексея». Байер считает, что после августа 1446 г. Алексея уже не было в живых. (Там же. С. 214).

Прежде чем второй правитель Мангупа Олобей (1446–1465 гг.) возшел на трон княжества, в его столице возникает персона черкесского князя Уздеморока, великого князя Черкесии в эти годы. В Мангупе он претендует на трон княжества и правит здесь какое-то время в 1446 г. Акт Каффы от 17 августа 1446 г. содержит упоминание о выплате Уздемороку: «Один подарок сделан Уздемороку, однажды государем готов, когда пришел к трем холмам... аспры 459». (Там же. С. 215). При переводе этого предложения следовало бы поставить уточнение: «...Уздемороку, [бывшему] однажды государем готов...». По наблюдению Байера, Узде-

морок был выразителем интересов генуэзцев, каким-то образом пострадал в борьбе за престол в Мангупе и получил «названную сумму как утешительный подарок». (Там же. С. 216).

Интересна сама по себе ситуация, при которой стороны были заинтересованы в посредничестве великого князя Черкесии. Его авторитет, таким образом, признавался в Каффе, Солхате и Мангупе.

Генуэзский документ 1447 г. сообщает о военной и дипломатической демонстрации в поддержку Мангупа, которые устроили император и деспот Трапезунда – соответственно Иоанн IV Великий Комнин и его сын Давид, которые с «галерами и длинными кораблями» совершили плавание в Готию и «пребывали там с Олобеем и другими сыновьями бывшего Алексея». (Там же. С. 216).

Между тем, в середине века обозначилась общая для Готии и Каффы угроза – османские турки. В 1446–47 гг. состоялось первое османское нападение на побережье Крыма, о котором сообщает Лаоник Халькондил: «Мурад III... послал галеры в страну Колхиду, чтобы они опустошили страну, поработили город, если могли, поплыли против Готии и, где возможно, разграбили страну, пристав [дословно: высадившись, а именно экипаж]. И приплыв, галеры отправились в страну Колхиду и, прибыв к готам, разграбили страну, поработав немалую (территорию). Когда же вернулся флот, поднялась сильная зимняя буря, и северный ветер, налетев, отнес его в (Малую) Азию в район Понтоираклии, и, отправляясь туда, несколько галер гибли и оказывались в таковом несчастье». (Там же. С. 216).

Следующее появление турецкого флота у берегов Крыма состоялось 14 июля 1454 г., когда огромная эскадра в 50 судов под начальством Демир-кахьи подошла к Каффе. Л. Колли говорит об этих событиях исключительно на основании генуэзских источников, подробнейшим образом осветивших данный инцидент. В. Д. Смирнов не отрицая, что такое событие действительно имело место быть, подчеркивает его незначительный масштаб и то обстоятельство, что «в турецких источниках нет никакого даже намека на что-либо подобное вышеописанной экспедиции к крымским берегам. Кятиб-Челеби, написавший специальное сочинение о морских походах турецких, также не упоминает в нем о какой бы то ни было морской компании, имевшей место в данном году». (Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. Т. 1. М., 2005. С. 215). По актам Каффы событие было очень важным и имело самые негативные моральные и политические последствия для города. Дело в том, что турецкий флот бросил якорь прямо в гавани Каффы, а в это самое время

под стены города явился с большим отрядом Хаджи-Гирей. Консул и чиновники Каффы были совершенно убеждены в том, что между турками и татарами имел место сговор, направленный на захват их города и полное уничтожение генуэзского присутствия в регионе. Документальных подтверждений такого договора так и не было получено, но Хаджи-Гирей получил от спасовавших каффян обязательство ежегодной крупной выплаты в 600 сомм (около 19.000 итальянских лир). (Там же. С. 214).

Консул Каффы 11 сентября 1454 г. сообщает протекторам банка Сан-Джорджо о том, что Олобей, государь Готии, предупредил правителей Каффы об угрожающей им новой опасности со стороны турок: «Мы получили на этот счет несколько предупреждений и, между прочим, имеем письмо от Олобея. Этому последнему, во время причала одного турецкого судна (из эскадры Демир-кахьи) к берегу княжества (Мангупского), удалось тайно задержать одного турка, сохранившегося ему (Олобею) во враждебном приготовлении султана». (Колли Л. Хаджи-Гирей-хан. С. 131.).

В августе 1455 г. в донесении из Каффы в Геную содержится пространная жалоба на Олобея и его братьев, устраивающих порт в Каламите, нарушающих договоренности и позволяющих себе писать неприличные грубости в ответ на послания из Каффы. Причину такого поведения власти Каффы видели в том покровительстве, которое оказывает Мангупу татарский царь. (Байер Х.-Ф. История крымских готов. С. 218–219). 27 ноября 1456 г. протекторы банка Сан-Джорджо очень почтительно пишут Олобею как

«великолепному и могучему господ и ну» (magnifico et potenti) и выражают уверенность в скорой войне против «врагов христианского имени», которая должна привести к безопасности для Каффы и Мангупа. Одновременно с этим посланием они дают инструкцию консулу Каффы о том, что он обязан поддерживать с правителем Мангупа добрососедские отношения. (Там же. С. 221).

Поддерживать хороший тон в дипломатических баталиях удавалось с трудом, а настроение у властей Каффы колебалось от решения вооружить галеру против Каламиты (которая так и не была пущена в дело) и пощечин мангупским послам до столь же аккуратных выплат этим послам денежных компенсаций за причиненный моральный вред. Из Генуи 8 февраля 1458 г. поступил очередной настоятельный совет жить в мире с государем Готии, государем и коммуной Монкастро, царем татар и императором трапезунтцев: «Ибо, как вы понимаете, город Кафа немало ослаблен, и из-за внушающей страх власти господина короля турок было бы слишком опасным бороться в настоящее время с какой-то из названных держав оружием». (Там же. С. 222). Тем не менее, в зашифрованном письме от 24 марта 1458 г. государь Готии назван «ненадежным». Государем Монкастро являлся Стефан III Великий, воевода Молдавии, успешно оборонявший свои владения от натиска турок вплоть до своей кончины в 1504 г.

В состоянии ни войны, ни мира Мангуп и Каффа пребывали весь период правления Олобея. После его смерти, в 1465 г. в Мангупе утверждается его младший брат, именуемый в итальянских источниках «Saichus» или «Saicus», а в русских «Исайко».

В 1467 г. протекторы банка Сан-Джорджо повторили призыв к властям Каффы хранить мир с государем Готии, татарами и другими державами региона. 26 апреля 1471 г. с пышным латинским адресом «Magnifico amico nostro carissimo domino Saicho, domino Tedor» протекторы пишут Сайко и благодарят его за то, что

Автопортрет Марии, княжны Мангупской, на погребальной пелене. Путна, Румыния. Надпись на ее гробнице гласит: «В год 6985 (1477) 19 декабря испустила дух благочестивая раба Божия, Мария, супруга благочестивого Стефана воеводы, царствующего князя Молдавии, сына Богдана воеводы». (Фадеева Т. М., Шапошников А. К. Княжество Феодоро и его князья. Симферополь, 2005).

МАНГУП И МОСКВА

он нанес персональный визит в Каффу и подтвердил союз, заключенный с ней.

Исайко заключает династический союз с господарем Молдавии Стефаном. Байер приводит сведения из ранненоворохненемецкой хроники, охватывающей события с 1457 по 1499 гг., согласно которым княгиня Мария из Мангула, столицы крымских готов, вышедшая замуж за молдавского господара Стефана Великого в 1472 г., была черкешенкой: «В том же году [1472] в месяце сентябре 14 днем привезли Стефану воеводе княгиню из Маугупа (так в оригинале, Maugor. – Прим. С. Х.) с именем Мария; она была черкешенкой (sy was ein Zerkassin) и он имел с ней двух дочерей». (Там же. С. 224; Молдавско-немецкая летопись 1457 – 1499 гг. / Пер. И. Э. Клейнберга. // Славяно-молдавские летописи XV – XVI вв. М., 1976. Цит. по: <http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Mold-Nem.let/text.phtml?id=951>). Через три года ее родина была захвачена турками и Стефан, недовольный тем, что она не родила ему наследника, быстро потерял к ней любой интерес. Мария Мангупская скончалась в 1477 г. в возрасте 27 лет.

Значительный интерес представляет судьба дочери Стефана Великого и Марии Мангупской – Елены, выданной замуж за наследника русского трона. М. Зарезин, исследователь внешнеполитической истории Московской Руси при Иване III и его потомках, отмечает: «Первоначально в качестве невесты Ивана Молодого рассматривалась дочь мангупского князя Исаака, властителя княжества Феодоро, располагавшегося на юго-западе Крыма. Именно Менгли-Гирей «рекомендовал» Исааку выступить с подобной инициативой, а посредником в деле устройства этого брака выступил Хозяин Кокос. Близость Кокоса к крымскому хану и двору мангупских князей позволяет предположить, что Кокос (в источниках отмечается его знание черкесского языка. – Прим. С. Х.) скорее являлся не техническим посредником, а одним из инициаторов заключения этого брачного союза, который не состоялся вследствие османского нашествия на Крым и падения Мангула. После этого Ивану III поступило предложение от господара Стефана выдать за Ивана Молодого Елену, его дочь от брака с Марией Мангупской. Снова в жены Ивану Молодому предлагают княжну с мангупскими корнями, и снова этому браку содействует хан Менгли-Гирей. Если добавить к вышесказанному, что вся переписка по поводу сватовства шла к Елене через Крым (здесь же останавливались послы на пути ко двору Стефана), становится ясно, что матримониальные «маневры» в треугольнике Крым – Молдова – Москва связаны между собой, и связующим звеном выступают крымские агенты московского правительства, и в том числе Схария, который, как мы полагаем, был принят

при дворе Стефана Великого». (Зарезин М. Последние Рюриковичи и закат Московской Руси См.: <http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/History/zarez/index.php>).

Установление династической связи с Молдавским княжеством являлось «значительным успехом внешней политики Русского государства». (Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л.: «Наука», 1989. С. 153). Венчание состоялось 7 января 1483 г. в Успенском соборе. Свадьба Ивана Молодого состоялась в то время, когда у его отца было уже три сына от второго брака с Софьей Палеолог. Старший из них – Василий – родился в 1479 г. «В этих условиях, – отмечает Ю. Г. Алексеев, – женитьба сына от первого брака, взрослого человека, имевшего известный опыт политической деятельности и уже в течение ряда лет официально именовавшегося наряду с отцом «великим князем» (чем формально подчеркивалось его право на престолонаследие), значительно укрепляет его положение и свидетельствует о том, что именно он, Иван Молодой, женившийся на дочери союзника Русского государства, рассматривается как естественный и наиболее вероятный будущий государь всея Руси». (Там же. С. 154). 10 октября 1483 г. у Ивана Молодого и Елены Стефановны родился сын Дмитрий.

После смерти супруга в 1490 г. положение Елены Волошанки при русском дворе осложнилось. Но Иван III благоволил к ней и к своему внуку Дмитрию настолько, что в 1498 г. настоял на проведении новой для русского двора почетной процедуры признания своего внука от старшего сына официальным преемником трона. Ключевский пишет, что «Иван не довольствовался простым изъявлением своей воли: недавний обычай назначать наследника, предварительно объявив его соправителем, он хотел освятить торжественным церковным венчанием избранныка на великое княжение... Венчание происходило в Успенском соборе в 1498 г. Великий князь-дед возложил на великого князя-внука шапку, венец и бармы, оплечье, широкий отложной воротник. ...Торжественное церковное венчание, освящавшее такой порядок престолонаследия, можно считать тогдашней формой издания основных законов... Но Иван сам же нарушил свое столь торжественное установление. Софья успела поправить свои дела: венчанный внук был разжалован и заключен под стражу, а сын (сын Софьи Василий. – Прим. С. Х.) пожалован и посажен на великое княжение «самодержцем» (то есть Иваном III. – Прим. С. Х.). – «Разве я не волен в своем внуке и в своих детях? Кому хочу, тому и дам княжение», – сказал однажды Иван... здесь в нем говорил своенравный хозяин вотчинник, а не государь, которым издан первый Судебник». (Ключевский В. Курс русской истории. Ч. II. М., 1906. С. 160 – 161).

Как отмечает Р. Г. Скрынников, «Дмитрий старался удерживать трон, полученный им на основе закона и права. Василий III погубил Дмитрия, узурпировав трон. Через три дня после ареста внука (который был заключен под стражу 11 апреля 1502 г. – Прим. С. Х.) Иван III благословил удельного князя Василия – «посадил на великое княжество Владимирское и Московское и учинил его всеа Руси самодержцем. ...Через год после ареста Елены Волошанки умерла великая княгиня Софья. Вскоре же «начат изнемогати» и сам Иван III». В феврале 1505 г. шведский источник сообщает, что «русские более склонны к его внуку». Перед смертью Иван III, как отмечает Скрынников, искал примирения со своим внуком. Дмитрия расковали и привели во дворец. По информации австрийского посла Сигизмунда Герберштейна, посетившего Москву через тринадцать лет после этих памятных событий, умирающий Иван обратился к Дмитрию со словами: «Молю тебя, отпусти мне обиду, причиненную тебе, будь свободен и пользуйся своими правами». Что конкретно подразумевалось под пользованием правами осталось неизвестно. В завещании Ивана III имя Дмитрия не упомянуто и как только он умер, Василий приказал заковать Дмитрия «в железа» и посадить его в «полату тесну», где тот скончался три года спустя. (Скрынников Р. Г. История Российская. IX – XVII вв. М., 1997. С. 225 – 226).

О независимом статусе Мангула накануне турецкого завоевания весьма красноречиво свидетельствует тот факт, что в его стенах укрывался свергнутый в 1474 г. крымский хан Менгли-Гирей. Об этом важном обстоятельстве, подчеркивающем значение Мангула в политике Крыма, сообщает нам турецкий историк Джеллаби, согласно которому Гедик Ахмед-паша захватил в Мангупе «несколько христианских князей в крепости и отослал в султанскую Порту. И был между теми князьями Менгли-Герей-хан, отставной владыка Дэштский. Его одолели братья его: отняли у него царство и принудили его запереться в крепости Манкупской». (Цит. по: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты. С. 228). В «Истории Кипчакской степи» Ибн Ризвана говорится о том, что «Менгли-Гирей имел счастье взойти на трон, но его братья позволили ему править лишь несколько месяцев. Под их натиском он бежал в Мангуп, принадлежавший тогда неверным, чтобы получить у них помощь и вновь завладеть трон». (Цит. по: Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М.: Наука, 1990. С. 39). Таким образом, два надежных турецко-крымских источника сообщают о пребывании хана Менгли-Гирея под защитой правителя Мангула.

В борьбу за ханский трон

были втянуты не только готские черкесы, но и собственно черкесские князья. В 1467 г. генуэзский аристократ Якопо Гримальди предложил Нур-Девлету набрать отряд в Черкесии и напасть на Менгли-Гирея. План был раскрыт и власти Каффы арестовали Гримальди. Ему грозила смертная казнь, но хан прислал письмо, в котором просил помиловать своего врага. (Колли Л. Каффа в период владения ею банком Св. Георгия (1454 – 1475) // Известия Таврической Ученой архивной комиссии. № 47. Симферополь, 1912. С. 97 – 98). Характерно, что Нур-Девлет бежал, после поражения в борьбе за трон, в Черкесию. (Колли Л. Хаджи-Гирей-хан и его политика... С. 135, 137).

В 1475 г. османские турки нанесли сокрушительный удар по генуэзским колониям Крыма и заодно положили конец независимости Мангула. Ашик Паша-оглу, современник этих событий, описал захват Мангула: «После этого для завоевания ближайших крепостей неверных было отправлено несколько кораблей. Они завоевали Азак, Ябугермен и все крепости побережья *вплоть до черкесских имений*. Затем пришли к Мангупу. Остановились у крепости, установили пушки. Мангупский правитель, увидев завоевателей, вышел навстречу Ахмед Паше и решил передать ему крепость. У этого правителя был один соперник. Он все еще находился в крепости. Он не согласился отдавать крепость. Он закрыл ворота крепости... Ахмед паша для осады оставил немного солдат. Сам собрался и уехал... Все оставшиеся скрылись в засаде... Увидев, как солдаты отступают, люди из крепости начали выходить. Находившиеся в засаде исламские солдаты встретили бросающихся бежать из крепости людей. Сразу же заняли крепость». (Ашик Паша-оглу. Османская династическая история: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Asik-Pasa/text.phtml?id=60>).

В описании Ашик Паша-оглу захват Мангула представлен как незначительная военная акция, тогда как на самом деле осада длилась около шести месяцев. В 1476 г. глава городского совета Рагузы (Дубровника) сообщал в Венецию о том, что Мангуп сопротивлялся до декабря 1475 г. и был взят измором, князь Александр взят в плен и казнен в Стамбуле. (Некрасов А. М. Международные отношения... С. 42). Интересно, что в обороне Мангула участвовал отряд валахов из 300 воинов. По всей видимости, они были присланы зятем Исайко Стефаном (Брун Ф. К. О поселениях итальянских в Газарии. Топографические и исторические заметки // Труды Первого археологического съезда в Москве. 1869 г. М., 1871. С. 402). В Стамбул из Мангула был увезен, по крайней мере, один представитель правящего семейства. В 1514 г. султан Селим I направил к великому князю Василию III бывшего мангупского князя, носящего мусульманское имя Кемалби. А. А. Васильев предполагает, что Кемалби

был сыном погибшего Александра. (Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. P. 268 – 269). Еще один мангупский княжич с именем Скиндер (Александр) был направлен в Москву Сулейманом в 1522 г. Известно, что он умер в Москве в 1530 г., но неясно, проживал ли он здесь все это время.

Часть правящей семьи и часть элиты крымской Готии, пережившие османское вторжение, бежали в Черкесию. Сохранилось письмо Захарии де Гизольфи от 12 августа 1482 г. протекторам банка Св. Георгия, из которого «мы между прочим узнаем, что он, по взятии его замка (lo mio castello de la Matrega) турками, хотел перебраться в Геную, но, будучи на пути своем ограблен воеводою валахским (т.е. молдавским) Стефаном, принужден был возвратиться на остров Тамань (campagna in Insula nostra Matrice), где искавшие у него убежища готские князья до такой степени его разорили, что он принужден был просить протекторов банка прислать ему 1000 червонцев. Получил ли он эти деньги или нет, нам неизвестно». (Брун Ф. К. О поселениях итальянских в Газарии. С. 387). Напомним, что Захарий де Гизольфи являлся полунезависимым правителем Матреги, сыном Викентия де Гизольфи и черкесской княгини, отец которой владел Таманским полуостровом.

Репатриация готских-черкесских князей в Черкесию могла и, скорее всего, сопровождалась переселением вместе с ними рядового готского населения – как этнических готов, так и греков из Готии. Оставшиеся на своей тысячелетней родине готы постепенно ассимилировались среди крымско-татарского населения. Этот процесс был постепенным и еще в 1554 г. австрийский посол при османском дворе Ожье де Бусбек (Ogier de Busbeck) зафиксировал существование готов. Он имел интереснейшую встречу с двумя посланцами из Крыма: один был готом, не знавшим готский язык, но знавшим греческий и татарский, а его спутник был греком, хорошо владевшим готским языком. Гот своей внешностью напомнил Бусбеку голландцев или фламандцев, а его друг-полиглот предоставил любознательному послу неопровержимые свидетельства того, что, по крайней мере, еще часть готского населения разговаривала на родном языке. Бусбек подчеркнул его сходство с нижненемецким или нидерландским, а Х.-Ф. Байер отмечает «небольшое количество особенных совпадений с современным шведским, достаточно особенностей, которые объясняются только происхождением из древнеготского». (Байер Х.-Ф. История крымских готов... С. 244). В этот период, согласно информации, полученной Бусбеком от уроженцев Готии, крымский хан набирал в свою армию до 800 мушкетеров-пехотинцев из числа готов. (Там же. С. 245). Кроме того, грек подчеркивал воинственность готов.

Самир ХОТКО.